A.K. Zhabitskiy

The Japanese reconnaissance in the North-Eastern China and Mongolia in 1905 – 1914th.

In this article the author opens some features of the activity of Japanese reconnaissance after the ending of the Russian-Japanese war during 1905 – 1914.

Keywords: reconnaissance, Japan, China, Mongolia, espionage, intelligence service, secret agents, information

Жабицкий Андрей Константинович – адъюнкт ФГОУ ВПО « Хабаровский пограничный институт ФСБ Российской Федерации» (г. Хабаровск).
E-mail: Irzhab@mail.ru

Разведка Японии в Северо-Восточном Китае и Монголии в 1905 – 1914 гг.

В настоящей статье автор раскрывает некоторые особенности деятельности японской разведки после окончания Русско-японской войны в период 1905 – 1914 гг.

Ключевые слова: разведка, Япония, Китай, Маньчжурия, Монголия, шпионаж, разведывательное управление, тайные агенты, информация.

Сегодня вполне очевиден тот факт, что разведка является той информационной системой, эффективность работы которой свидетельствует о работоспособности государственного аппарата в целом. Взаимодействуя со всеми сферами современной жизни, она является неотъемлемой частью политики любой страны. Наиболее яркие страницы истории человечества – это не только кровопролитные войны, но и процесс непрекращающегося противоборства разведки и контрразведки.

Особое место в деятельности разведслужб иностранных государств в конце XIX – начале XX вв. занимали территории Маньчжурии и Монголии. В последние годы на страницах российских научных журналов появилось значительное число публикаций, поднимающих вопрос разведывательной деятельности Японии в Северо-Восточном Китае и Монголии в период с 1905 по 1914 гг. [1]. Очевидно, что изучение данной проблемы на сегодняшний день актуально.

Первые попытки выяснения роли японской разведки в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. относятся к досоветскому периоду. Работы Э.А. Верцинского, П.И. Изместьева, В.Н. Клембовского, Азиатикуса, Р. Рудеваля, характеризовавшие деятельность разведки Японии во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг., описывали деятельность войсковой разведки,

действовавшей на полях сражений в Маньчжурии, не раскрывая сущности агентурной разведки и контрразведки обоих государств [2].

В советский период специальных работ о разведке и контрразведке Японии в Маньчжурии после Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. не издавалось, за исключением выпущенной для служебного пользования монографии К.К. Звонарева, в которой автор частично раскрыл структуру агентурной разведки, действовавшей в Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. Деятельность японской разведки в Северо-Восточном Китае в 1904 – 1905 гг. находит отражение в работах Р. Роуана, А. Хамадан и А. Вотинова [3].

Заметный интерес к проблеме наблюдался в последние годы у таких авторов, как: И.В. Деревянко, И.М. Афонасенко, И.Н. Кравцев, М. Алескеев, М. Ронге, и других [4]. Тем не менее, на сегодняшний день вопрос о деятельности японской разведки с Северо-Восточном Китае и Монголии в досоветский период изучен неравномерно и, в целом, недостаточно.

В предложенной статье сделана попытка изучения деятельности российской и японской разведок в Маньчжурии и Монголии после 1905 г. на основании архивных сведений, впервые вводимых в научный оборот.

Поражение России в Русско-японской войне 1904 – 1905 гг. и претензии Японии на главенствующую роль в регионе изменили расстановку политических сил на международной арене [5, с. 127]. 26 августа (5 сентября) 1905 г. при подписании Портсмутского мирного договора Россия передала Японии Южную часть Маньчжурии с веткой Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), уступила южную половину острова Сахалин и др. [7, с. 166 – 168].

17 (30) июля 1907 г. между Россией и Японией было подписано соглашение по общеполитическим вопросам, состоявшее из гласной конвенции и секретного договора. Гласная конвенция провозглашала взаимные обязательства России и Японии по территориальной целостности и независимости Китая. Секретный договор предусматривал раздел Китайской империи на сферы влияния. Маньчжурия же была разделена на две зоны: Северную (российскую) и Южную (японскую). Корея по договору признавалась сферой влияния Японии, а Внешняя Монголия – России [8, с. 68 – 69].

В 1911 г. в Китае произошла Синьхайская революция, вызвавшая [9, с. 116 – 117] в провинции Внутренняя Монголия массовые антикитайские выступления. В связи с этим, Японское правительство предложило России подписать конвенцию по разделу Внутренней Монголии [10, с. 118]. Как писала газета «Приамурская жизнь» №1343 от 1913 г.: «Япония на протяжении многих лет с ревностью смотрела на действия России в Монголии и выжидала удобного момента, чтобы осуществить свои интересы в этой стране. По мнению Японии, такое время наступило» [10, с. 3].

После Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Японское правительство проявляло особый интерес к будущему Монголии, так как эта область граничила с Южной Маньчжурией. Кроме того, значительная часть монголов

– в западной части провинции Мукден, а еще большее количество китайцев проживало в восточной полосе Монголии. Предполагая превратить эту часть Монголии в свой протекторат, Правительство Японии старалось отодвинуть область своего влияния к пустыне Гоби, чем «… обеспечить свой фланг со стороны Китая». В то же время, японское руководство пыталось вынудить Правительство России взять под свое влияние Северную Маньчжурию и г. Халху, так как эти территории будут отрезанными от Китая японской стороной. В таком случае Россия не смогла бы оберегать там китайский суверенитет и «… Маньчжурия постепенно перешла бы в руки Микадо» [11, с. 4].

Для осуществления этого японцы предпринимали решительные шаги, обещая монгольским князьям защиту их независимости от Китайской республики. Страна восходящего солнца пыталась употребить различные предлоги, чтобы привлечь симпатии монгольского населения. Они оказывали влияние через лам, которые внушали монголам, что опека единоверных с ними японцев будет лучше, чем опека китайских атеистов [12, с. 2]. Кроме того, офицерам монгольского происхождения бывшей императорской китайской армии было предложено поступить на службу в японские войска, которые были расположены в Маньчжурии. Из Маньчжурии японской администрацией были направлены две экспедиции в Монголию для пропаганды идей ее отделения от Китая. Район японской пропаганды охватил приграничную полосу Внешней Монголии вплоть до г. Браги. Между тем, японцы не останавливались перед пропагандой даже в зоне российского влияния, оправдывая свои действия тем, что Россия не способна уберечь от китайцев «… даже г. Халху» [13, с. 4].

Активная политика Японии, проводимая на границе между Маньчжурией и Монголией, сопровождалась целенаправленной разведывательной деятельностью. Только в 1906 – 1908 гг. военное ведомство Японии на содержание своих секретных служб выделило более 300 тыс. иен, из которых значительная часть шла на содержание японской разведки в Маньчжурии [15, с. 87]. В 1909 г., в связи с распространением слухов о возможности в ближайшее время вооруженного столкновения, все разведывательные отделения японцев в Маньчжурии были укреплены путем прикомандирования к ним офицеров Генерального штаба. Вместе с этим, была усилена и вербовка шпионов, особенно из числа китайского населения. На территорию Монголии от Маньчжурского разведывательного управления регулярно посылались специально подготовленные агенты-разведчики. Этим управлением руководил офицер японского Генерального штаба подполковник Морита[*] [16, с. 100].

---

[*] После окончания Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. Морита был переведен в г. Куанченцзы и посвятил себя изучению Маньчжурии. Впоследствии он выпустил книгу «География Маньчжурии» в 3 – 4 томах, а также «Военно-географическое описание Маньчжурии» в 1 томе. В 1908 г. подполковник Морита был прикомандирован к японскому консульству, а также заведовал Разведывательным управлением в г. Чифу. (Составлено по: РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 7805. – Л. 31).

По сведениям разведки штаба Приамурского военного округа, Морита после изучения Маньчжурии принялся тщательно изучать Монголию, а также монгольский язык. В штате управления у Морита состояли разведчики. Так, его главный помощник Абэ на вид был похож на китайца, носил китайскую одежду, владел китайским и русским языками, изучал монгольский язык, имел известность среди монголов. Работник японской канцелярии Ямакава владел китайским языком, занимался опросом шпионов-китайцев, регулярно переводил китайские книги. Кроме того, помощник Окада, не имел специального назначения и выполнял отдельные поручения [17, л. 31].

В подчинении у Морита также находилось пять человек разведчиков-китайцев: Чжан-Минсян, который владел русским языком, состоял на службе с момента пребывания Морита в г. Чифу; Лу-Сян-Нан работал в школах Маньчжурии учителем, собирал разведывательные данные о китайском населении; Ли-Чин-До знал монгольский язык и немного говорил на русском; агент Ван-Чен-Хао в совершенстве владел японским языком, производил переписку на китайском языке, а также занимался переводом топографических карт на японский язык; Цзя-Юй-Сюань владел русским языком и периодически направлялся для разведки в г. Харбин [17, л. 31 об.].

Наряду с этим, помимо перечисленных разведчиков, в штате подполковника Морита имелись так называемые регулярные разведчики, находившиеся в Монголии и г. Гирине. По мере решения разведывательных задач дополнительно вербовались китайцы, которым за содействие с японской разведкой выплачивалась денежная сумма в размере от 20 до 40 руб. в месяц [17, л. 32]. В Маньчжурии японские агенты жили под видом торговцев, парикмахеров, прачек, содержателей публичных домов, гостинец, курилен опиума и т. д. Им ставилась задача – широко изучать порученные им районы или участки, начиная от топографии и климатических условий местности, производственных и стратегических объектов, заканчивая бытом местных жителей.

Для сбора разведывательной информации агентам выдавались специальные листки с географическими названиями интересующих Мориту мест, по которым велся сбор развединформации. Вместе с тем, напротив каждого названия ставились пометки цифрами, которые означали оплату агентам содержателям гостиниц, харчевен и дворов [17, л. 32]. Получаемые сведения проверялись японским аналитическим отделом, систематизировались и направлялись в разведывательный отдел Генерального штаба. Именно при такой организации японской разведки с привлечением огромного количества агентов и затраченных на разведку денежных средств японцы получали достаточно полную и достоверную информацию, которая не исчерпывалась случайными донесениями агентов, как в разведке российского Генерального штаба [17, л. 33].

Японцы совершено правильно оценили политическое и географическое расположение г. Куаньченцзы и именно в нем организовали мощное по своей силе разведывательное управление [17, л. 34]. Как писал в своей докладной

записке в Министерство иностранных дел России управляющий вице-консульством в г. Куаньченцзы М. Лавров, российское консульство не получало положенных для ведения разведки денежных средств. Кроме того, большая часть российских разведчиков не знала и даже не пыталась узнать секретные способы получения сведений о политике Китая и Монголии. М. Лавров писал, что без хорошего финансирования невозможно было получить оперативно-значимую информацию о политике, экономике, строительстве железных дорог и др. в Китае и Монголии [17, л. 34 об.].

Очевиден тот факт, что в период с 1905 по 1914 гг. Япония (по сравнению с Россией) занимала лидирующие позиции в ведении разведки на Дальнем Востоке. Правительство Страны восходящего солнца постоянно открывало новые консульства на территории Северо-Восточного Китая, штат которых, главным образом, состоял из офицеров-разведчиков.

Так, японское консульство в г. Харбине активно занималось политической разведкой. В состав консульства входили: генеральный-консул Каваками Тосихико, свободно владевший русским, французским и английским языками, был хорошо осведомлен о российской политике в Маньчжурии; вице-консул Морита, владевший русским языком; секретарь консульства Сугино Хотаро; помощник секретаря и переводчик китайского языка Фурусава Кокичи; переводчики русского языка Найто Кюичи и Игава Юлиан; а также начальник полиции консульсва Хацуми Оказима. Такой состав консульства был подобран в соответствии с местом нахождения японского представительства, а знания русского и китайского языков давали японцам возможность добывать достоверные и точные сведения о политике Российской империи в Маньчжурии [18, л. 17]. Уместно заметить, что Россия открыла лишь одно вице-консульство в г. Куаньченцзы в составе генерального-консула и переводчика китайского языка [19, с. 9].

В 1909 г. по ходатайству Морита японское разведывательное управление было подвергнуто реорганизации. Его сотрудники стали тщательно изучать железнодорожные сообщения Маньчжурии и Монголии. За каждым железнодорожным участком был закреплен офицер-разведчик. В г. Мукден находился разведчик, майор Сато, который во время Русско-японской войны состоял на должности помощника военного агента в Китае. Сато изучал линии: Мукден-Хай-лунг-фу, Чанту-фу-Чжан-цзя-тунь. По своей разведывательной деятельности в Монголии он был подчинен военному агенту в Китае – майору Аоки, а по разведке в Маньчжурии – подполковнику Морита. В г. Чи-фынь находился капитан Ошида, который изучал железнодорожные линии Чи-фынь-Дархавань, Чифынь-Балинь-фу-Маньчжурия-Хайлар, подчиненный военному агенту в Китае. В г. Тао-нань-фу работал капитан Нодзу, который изучал линии Тоа-нань-фу-Цицикар-Мэргань-Благовещенск. В г. Сам-ду до г. Синь-дань, на границе между Маньчжурией и Кореей, находился капитан Фукабари, изучавший линии Синь-дань-Тань-дэ-коу-Фин-ми-чжен-цзы, Мао-эр-шань-Тай-хэ-коу. В г. Янь-изи-тинь (Цзянь-дао) находился майор Ямагута, контролировавший маршруты: Ян-изи-тинь-Нингута, Ян-изи-тин-Омосо. Все они были в

подчинении у подполковника Морита. Кроме того, сам Морита занимался изучением всех главных железнодорожных путей, которые вели от Чань-чуня-Тао-нань-фу-Бодуно-Цицикар-Харбин, Ажедо-Сань-синь, а также линию Цицикар-Нингута [18, л. 36].

Каждый японский разведывательный орган имел общий список всех железнодорожных пунктов и путей железнодорожного сообщения. Такие же списки находились в японских консульствах в Маньчжурии и в крупных японских торговых фирмах в Северо-Восточном Китае и Монголии. Если разведывательные сведения, полученные о железной дороге, попадали не в тот разведывательный пункт, то информацию немедленно пересылали в общее разведывательное управление, и впоследствии прикрепляли к общей разведывательной сводке, а затем направляли японскому военному агенту в Пекин. В случае, если разведывательная информация касалась таких городов, как Тао-наньфу, Ян-изи-тинь, Са-из-синдзян, Чань-Чунь и Мукден, то ее отправляли в разведывательное бюро подполковника Морита [18, л. 36].

Кроме разведывательных управлений, на железнодорожных участках у японцев находились разведывательные посты. Так, к примеру, на направлении железной дороги Нингуту-Хунчун у японцев коммерческих интересов не было, однако, там находился разведывательный пост с целью сбора сведений о всем происходившем на дороге [18, л. 45].

В 1911 г. на место подполковника Морита на должность начальника разведывательного управления был назначен полковник Михара – активный и талантливый офицер-разведчик, имевший большой опыт работы в разведывательных органах [18, л. 57]. Он отправлял группы шпионов для добывания информации о прибытии и убытии пассажиров, о поставках товаров, о передвижении войсковых частей и офицерского состава по российской части железной дороги, а также в полосе отчуждения КВЖД. Кроме того, японские агенты вели усиленное наблюдение на станциях Маньчжурия и Пограничная, где [20, л. 148] следили за каждым вновь прибывающим иностранцем. Помимо агентов из числа китайцев и корейцев, японцы вербовали и русских. Так, некто Попов, ранее завербованный японскими спецслужбами в Маньчжурии, сообщил японским властям о том, что в г. Син-Мин-Тин прибыл российский разведчик, после чего ему с трудом удалось скрыться от преследования японской полиции [20, л. 154].

Одновременно с разведкой политического и военного характера японские тайные агенты бдительно наблюдали за деятельностью всех проживавших в Маньчжурии граждан. В зависимости от значимости того или иного населенного пункта Маньчжурии, происходил выбор резидента, которому доверяло токийское правительство [18, л. 8].

Во главе разведки в Южной Маньчжурии стоял полковник Генштаба Нагакио. Он проживал в г. Мукдене и содержал сеть аптекарских магазинов и фото-ателье. Летом Нагакио заведовал продажей минеральных вод. До начала Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. он содержал в г. Мукдене четыре дома терпимости, популярных у русских офицеров. Ежедневно Нагакио от своих агентов получал из разных мест Маньчжурии массу

донесений, ни одно из которых не смогли перехватить российские разведчики [18, л. 9].

Кроме тайных агентов в лице купцов и ремесленников, японская разведка имела и гласных разведчиков в лице жандармов и полицейских чинов. Последние регулярно встречали въезжающих в Маньчжурию иностранцев. Их передавали под наблюдение тайных агентов, которые всячески старались узнать у приезжих национальность, гражданство, куда и с какой целью они следуют. Часто агенты узнавали и фамилию иностранца. Подчеркивая свою вежливость, агенты давали приезжающему свои визитные карточки с выдуманными фамилиями и местами проживания в Японии, на что иностранец отвечал взаимностью и давал японскому агенту свою визитную карточку с действительными краткими установочными данными. По прибытии на станцию иностранец негласно передавался под наблюдение станционным агентам. Кроме того, содержатели маньчжурских гостиниц были обязаны немедленно доставлять в разведбюро сведения о прибывших иностранцах, а также вести за ними наружное наблюдение [18, л. 9 об.].

Ремесленники и купцы также приставали к иностранцам со своими услугами и расспросами. Полученную информацию они немедленно доставляли в разведорган. Японские агенты из числа китайцев старались попасть в прислугу к приезжему лицу, чтобы вести непрерывное наблюдение за ним. Даже японские проститутки при выезде из Японии давали подписку спецслужбам о том, что обязуются вести разведку в отношении своих клиентов. Так, в домах терпимости (в большинстве своем) находились тайные агенты спецслужб Страны восходящего солнца [18, л. 9].

Указанная система ведения разведки, в целом, приносила японцам хорошие результаты. Плотность изучения местности и ведения разведки на железнодорожных линиях и в полосе отчуждения позволяла им более точно и своевременно принимать активные решения в политическом, экономическом и военном отношении. Тем самым, Японское правительство всегда знало, что происходит на оккупированной Японией территории: настроения китайского населения, администрации, передвижение китайских войск. И самое главное – японская разведка всегда была осведомлена о политике России как на территории Маньчжурии, так и Монголии. Токийское руководство с легкостью ориентировалось в дальневосточных вопросах и могло принимать соответствующие решения, а также заключать выгодные для страны договоры и соглашения. В период десятилетия с 1905 – 1914 гг. Япония являлась лидером в ведении разведывательной деятельности в Северо-Восточном Китае и Монголии.

Сегодня вполне очевидно, что изучение вопроса разведывательной деятельности Японией в период 1905 – 1914 гг. требует внимательного подхода с целью учета опыта международных отношений в реалиях современных отношений России и Японии.

Литература и источники:

1. *Сергеев, Е. Ю. Военная разведка России в борьбе с Японией (1904 – 1905 гг.) / Е. Ю. Сергеев // Отечественная история. – 2004. – № 3. – С. 78 – 92 ; Подалко, П.Э. Япония в судьбах россиян : очерки истории царской дипломатии и рос. диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX вв. / П.Э. Подалко. – М. : Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 352 с. ; Павлов, Д. Б. Российская контрразведка в годы русско-японской войны / Д.Б. Павлов // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 14 – 28.*

2. Верцинский, Э. А. Усиленная разведка частей 1-го Сибирского корпуса 14 и 15 августа 1905 г. (в долине р. Сидалихэ) / Э. А. Верцинский. – СПб., 1907. – 21 с. ; Изместьев, П.И. Значение военного секрета и скрытности (из заметок офицера Генерального штаба) / П. И. Изместьев. – Варшава, 1907. – 29 с. ; Клембовский, В. Н. Тайные разведки (военное шпионство) / В. Н. Клембовский. – СПб., Издательство Березовский, 1911. – 183 с. ; Азиатикус. Разведка во время Русско-японской войны. Русско-японская война в наблюдениях и суждениях иностранцев. Вып. XII. – СПб., Издательство Березовский, 1907. – 64 с. ; Рудеваль, Р. Разведка и шпионаж. Практические указания строевым офицерам / Р. Рудеваль. – Спб., Издательство Березовский, 1912. – 88 с.

3. Звонарев, К. К. Агентурная сеть: русская агентурная разведка до и во время войны 1914 – 1918 гг. / К. К. Звонарёв. – М., 2003. – 279 с. ; Роуан, Р. Очерки секретной службы. Из истории разведки / Р. Роуан. – М. : Военное издательство, 1946. – 399 с. ; Хамадан, А. Японский шпионаж / А. Хамадан. – Хабаровск, 1937. – 40 с. ; Вотинов, А. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904 – 1905 гг. / А. Вотинов. – М. : Военное издательство, 1939. – 67 с.

4. Деревянко, И. В. Щупальца спрута / И. В. Деревянко. – М. : Яуза, Эксмо, 2004. – 192 с. ; Афонасенко, И. М. Россия и Япония: война разведок в начале XX в. : монография / И. М. Афонасенко. – М., 2008. – 357 с. ; Кравцев, И. Н. Японская разведка на рубеже XIX – XX веков. (Документальное исследование о деятельности японской разведки в указанный период) / И. Н. Кравцев. – М. : Издательство «Карпов», 2004. – 260 с. ; Алексеев, М. Лексика русской разведки. Исторический обзор / М. Алексеев. – М. : Международные отношения, 1996. – 128 с. ; Ронге, М. Разведка и контрразведка / М. Ронге. – СПб. : Издательство С.-Петербургского ун-та, 2004. – 326 с.

5. Дубинина, Н. И. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер о российско-китайских отношениях / Н. И. Дубинина // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Ч. 5. – Благовещенск, 2003. – С. 127 – 131.

6. Гримм, Э. Д. Сборник договоров и других документов. По истории международных отношений на Дальнем Востоке / Э. Д. Гримм. – М., 1927. – 221 с.

7. Хвостов, В. М. История дипломатии / В. М. Хвостов. – М., Госполитиздат, 1963. – 814 с.

8. Хохлов, А. Н. Сунь Ятсен и его планы железнодорожного строительства в Китае / А. Н. Хохлов // Вопросы истории. – 2006. – № 5. – С. 116 – 126.

9. Маринов, В. А. Россия и Япония перед Первой мировой войной (1905 – 1914). Очерки истории отношений / В. А. Маринов. – М., Издательство «Наука», 1974. – 151 с.

10. Монгольская политика Японии // Приамурская жизнь. – 1913. – № 1343. – С. 3.

11. Действия Японии в Монголии // Дальний Восток. – 1912. – № 119. – С. 4.

12. Действия Японии в Монголии // Приамурские ведомости. – 1912. – № 1857. – С. 2.

13. Действия Японии в Монголии // Дальний Восток. – 1912. – № 119. – С. 4.

14. Алепко, А. В. Японская разведка на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. / А. В. Алепко // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока (2-я Международная научно-практическая конференция). – М., 1997. – С. 85 – 91.

16. Секретное донесение (телеграмма) штаба Приамурского военного округа в Главное управление Генерального штаба Российской империи : сборник документов под ред. Софинова // Японский шпионах в царской России. – П. – М., 1945. – 255 с.

17. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 7805. – Л. 31 – 31 об ; 32 ; 33 ; 34 – 34 об.

18. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 8089. – Л. 8 ; 9 – 9 об ; 17 ; 36 ; 45 ; 57.

19. Успехи Японии на материке // Китай и Япония. – 1912. – № 107. – С. 9 – 12.

20. РГВИА. – Ф. 14383. – Оп. 3. – Д. 6. – Л. 148 ; 154.